

БОРИС ГАНКИН

*МНОГО-
ЦВЕТЬЕ*

БОРИС ГАНКИН

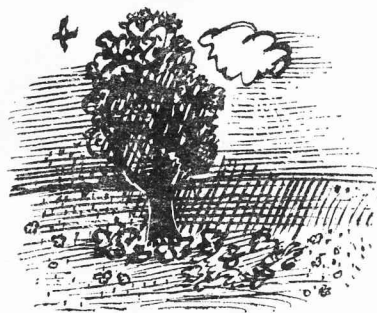
*МНОГО-
ЦВЕТЬЕ*

СТИХИ

МИНСК
«МАСТАЦКАЯ
ЛІТАРАТУРА»

1977

* * *

*Снежинок удивительные танцы.
Лесных теней
полупрозрачный дым.
Поэзия.
Способность удивляться
явлениям и сложным,
и простым.*

I

НА ГАЙНЕ

На Логойщине,
где Гайна
звезды майские качает,
где в черемуху ночами
люются трели соловья,—
что-то давнее, родное
на тропе меня встречает:
то ли детство,
то ли юность,
то ли молодость моя.
Гайна — тихая речушка,
Гайна — лунная дорожка.
Утром — розовая лента,
днем — хрустальная вода.
На волне воспоминаний
покачай меня немножко,
повтори мои рассветы,
возврати мои года!

Как колеса мельниц,
тихо

дни вращаются — и капли
падают в мои ладони,
обжигая и звеня.

Гайна.

Чистая криница.

Майский луг.

Две белых цапли.

Деревушка.

Дорогая

Родина вокруг меня.

* * *

Я усвоил от самой зыбки:
в этом мире,
огромном, зыбком,
постоянства совсем немного.
Мною пройденная дорога,
словно карты,
вмиг тасовала
зло — с добром,
а конец — с началом.

То, что днем мне казалось прочным,
разлеталось на щепки ночью.

То, что ночью вечным казалось,
днем в минутную боль обращалось.

Но всегда оставалось счастьем
человеческое участие.

Плывет Земля межзвездными путями.
Бывает:
вздрагнет на крутой волне —
вдруг покачнутся небеса над нами,
а дрожь земная передастся мне.
Да, сын Земли,
я связан неразрывно
с судьбой великой матери моей
и все толчки,
и все удары — взрывы,
боль и тревоги
разделяю с ней.

В колодце — чистая вода,
совсем такая же, как в детстве,
когда я приходил сюда
в колодец этот поглядеться
и, ощущая тайный страх,
смотрел,
как, в сумерках играя,
светилось небо в облаках —
и видел сам себя у края...
Там, подо мною, облака
лежали тихо,
недвижимо.
Кружилась голова слегка
от глубины непостижимой.
Наверно, так парашютист
глядит из люка самолета.
И сердце обрывалось вниз,
как от паденья,
от полета.
Домой я убежал тогда,
и сердце бешено стучало...

А нынче прихожу сюда,
как будто к своему началу.

Немногие из нас,
 рожденных до войны,
 имеют счастье жить
 в отцовской хатке милой:
 иль хаты те давно войною сожжены,
 иль нет отцов —
 с войны они лежат в могилах.
 Но каждому из нас,
 рожденных до войны,
 под утро хатка та
 не раз, не два приснится,
 и молодых отцов
 нам возвращают сны,
 и жадно смотрим мы
 в их дорогие лица...

Шевеля прошлогодние листья,
 прорастает неслышно трава.
 Дождь окончился.
 Влажный и чистый,
 лес весенние шепчет слова.
 Я по тропкам шагаю без усталости,
 прикасаюсь руками к стволам.
 Вспоминаю:
 юнцами безусыми
 мы бродили по этим местам.
 Тонкоствольная рощица мокрая
 теплый душ нам дарила весной,
 а под осень веселою охрою
 полыхала она надо мной.
 Как доверчивы веточки тонкие!
 Ничего не меняется, нет.
 Так же в каплях
 на радуги звонкие
 рассыпается солнечный свет.
 То же слово
 и та же мелодия,
 животворная та чистота...
 И открыта, как в детстве,
 бездонная
 опьяняющая высота.

ДЯДЯ ГРИША

День за днем —
на огненной орбите,
в суховейном выдохе металла,
в эпицентре жарких струй и нитей,
где, как магма,
сталь в печи вскипала,
где ночами алые пожары
польхали под высокой крышей —
много лет работал сталеваром
наш сосед —
веселый дядя Гриша.
Он зимой с работы возвращался —
рыжий полушубок нараспашку:
«На работе я тепла набрался —
так что мне любой мороз не страшен!»
От жары размякли тротуары,
все деревья от жары поникли:
«Что горячий полдень сталевару?
Мы и не к такой жаре привыкли!»
Мы любили нашего соседа:
на все руки мастером он был.
Самокаты и велосипеды
он всегда охотно нам чинил.
На рыбалку брал нас.
А бывало,
выносил во двор аккордеон,
и какие песни запевал он:
и «Землянку»,
и «Осенний сон»!
Не забыть мне никогда,

как пел он!
Но глаза его грустнели вдруг...
И от песен сразу все теплело,
сразу же светлело все вокруг.

...Много лет прошло.
Уж годы стерли
прежний адрес,
игры,
имена.
Но услышу песни — комом в горле
слезы...
И нахлынут на меня
год сорок восьмой,
домишко старый,
зимний холод,
летний суховей,
голос дяди Гриши — сталевара
и отца двух павших сыновей.

ЦИРК

Здесь клоун хохотал,
здесь радовались трубы,
здесь акробат ходил подолгу на руках.
Здесь добродушный пес
беззлобно скалил зубы,
а девочка, смеясь,
каталась на шарах.

Весь полотняный цирк
был радостью наполнен:
в нем было так светло,
так празднично тогда!
А за его дверьми —
развалин черных волны,
да вырубленный парк,
да серая вода...

И с карточками мы
шли в очередь за хлебом,
стояли за крупой
под проливным дождем...
Но вспыхивало «Цирк!»
под невеселым небом —
и забывалось все,
что с нами было днем.

КОВРЫ

На базаре — клеенки блестящие:
удивительные ковры —
немнущиеся,
хрустящие.
Солнце и склон горы,
а под горою — озеро,
лебеди на волне,
девушка — личико розовое —
улыбается мне.
Однорукий,
в шинели, парень:
«Покупайте ковры!» — орет.
И жалуется:
«На базаре
никто ковров не берет...»

До костей пробирает стужа.
Парень совсем хрипит.
Замерзло озеро тут же:
тонкий ледок блестит.
«Мать, гляди:
не ковер — диво!
Всего за сотню отдам!..»
Мне подмигнул счастливо:
можно, мол, по домам.
Иду по снежку хрустящему.

...А ночью вижу во сне:
из-за горы блестящее
солнце спешит ко мне.

Нет развалин.
Дома и озеро.
Лебедь белыми крыльями бьет.
Девушка — личико розовое —
с одnorуким
в кино идет.

СУШКИ

Другу детства Лёне

1

Мы оборудовали «штаб»
в сарае за дровами.
Веревка проводом была,
куски трубы — биноклем.
Нам повинуюсь,
танки шли,
солдаты шли за нами,
и батареи били так,
что вздрагивали стекла.
И, как бы ни был бой жесток,
всегда со мною рядом
был Ленька — самый лучший друг,
готовый день и ночь
ползти по лужам,
приносить для батарей снаряды,
хоть в пропасть броситься,
но мне
в любой беде помочь.
Вот и бежали прочь «враги».
Мы шли вперед упрямо.
...Но ремнем от души не раз
досталось нам двоим,
когда за рваные штаны
нас угощали мамы,
не зная,
из каких смертей
мы возвращались к ним.

Обросли мы, дружок, безделушками:
гарнитурами,
побрякушками.

А давай-ка сбежим за сушками —
за простыми сушками, Ленька!

Пусть на шее звенят легонько
сдобой пахнущие мониста:

о таких мы мечтали истово
в нашем постном,
холодном детстве.

Как бы дети смеялись, если б
заглянули на миг нам в души:

так нам дороги эти сушки —
сушки — праздник,
сушки — открытье...

Разве это могли забыть мы?

Но хочу

и прошу повторить я

путешествие в синие дали.

Мы о сушках тогда мечтали.

У детей наших — все в достатке.

Но и нам было детство сладким!

Пахло бульбой.

А в праздник — сушками.

...Обросли мы, дружок, безделушками:

гарнитурами,

побрякушками...

Бросим все —

и бегом за сушками!

А знаешь, Леня, иногда,
упрятавшись под одеяло,
я убегаю сквозь года
туда — в далекое начало,
в той комнатушки тесноту,
где среди мебели дощатой
за высотой высоты
с тобой постигли мы когда-то,
где все делили пополам,
где в час беды стояли вместе,
где не шептались по углам,
не знали зависти и лести —
все напрямик, как на войне!
Мы в детстве жили,
как солдаты.

Я вспоминаю в тишине
бесхитростные наши даты —
и больно делается вдруг,
что очень много потеряли.
Как жаль,
что наша жизнь — не круг,
а завиток крутой спирали,
что годы нам не повторить...
Но до чего ж
необходимо
порой случайно приоткрыть
хоть дверцу
в край невозвратимый!

ВОСПОМИНАНИЕ

Мороз набросил белую тужурку
на ледяное хрупкое стекло,
но жарко накаляется «буржуйка»
и дарит нам недолгое тепло.
Коптит фитиль неярко и тоскливо...
А мама каждый вечер без конца
читает вдохновенно и счастливо
мне письма с фронта —
письма от отца.

...Я очень часто вспоминаю это,
и каждый раз тому я счастлив вновь,
что путь мой осветила добрым светом
с тех дней отца и матери любовь.

УРОК

Лежат полоски солнечного света
на черных партах.
Холодно рукам.
Моя тетрадка сшита из газеты,
кричит обложка:
«Отомсти врагам!»
Озябшими неловкими руками
мы пишем
меж газетных мелких строк:
«Мы победим!
Не будем мы рабами!» —
И этот не забудется урок.
Еще салюты загремят нескоро,
и будет замерзать наш тихий класс,
еще подержит на прицеле горе
и наших мам,
и каждого из нас.
Но все-таки озябшими руками
мы пишем меж газетных мелких строк:
«Мы победим!
Не будем мы рабами!» —
И этот не забудется урок.

ЛЮБЛЮ, КОГДА
МАМА ПОЕТ

Люблю, когда мама поет.
Но это бывает нечасто.
Мотив довоенного вальса,
как детская сказка,
плывет.
Люблю, когда мама поет.
Но мама в заботах извечных,
но мама в тревогах сердечных,
который уж год напролет.
Все наши заботы она
в свои обращает заботы,
и кажется,
наши работы
готова исполнить сполна.
А наши раздумья порой
тревожат ее и печалят,
слова необдуманно жалят,
не кажутся игры игрой.
Люблю, когда мама поет.
Но это бывает нечасто.
Мотив довоенного вальса,
как детская сказка,
плывет.
Как облачко, реет у щек
седая пушистая прядка.
Поет — значит, все мы в порядке.
Поет — значит, все хорошо.

* * *

Над сквером песня соловья:
вновь о любви поет,
не ленится...
Мои мальчишки-сыновья
кричат, что никогда не женятся.
Погромче — младший.
Старший же
кричит потише, неуверенно:
пробились усики уже,
и девочки звонят...
Наверное,
еще годок,
еще другой —
наступит головокружение.
На этот скверик городской —
на островок среди движения —
не досмотрев однажды сны,
он прибежит в волненье странном,
чтоб слушать песенки весны
и думать о своем,
о тайном.

Вдруг от тебя,
такой же молодой,
какую встретил юношей когда-то,
я услышал:
«Жаль,
этот цвет не мой,
я для него, пожалуй, старовата...»
Ах, черт!
О чем ты думаешь, о чем?!
А может, я чего-то не заметил?
Нет, ты все та же.
Возраст ни при чем.
Твой взгляд доверчив,
радостен и светел,
душа твоя, как раньше,
молода,
по-прежнему в твоих глазах
веселье...
Не надо,
не считай свои года:
ты остаешься
звонкой и весенней!

По незаметным тропинкам
годы наши ушли.
Вот паутинки — морщинки
около глаз легли.

Но ни тоски, ни смутнения
нет на душе моей:
любимой глаза осенние
подснежников синих синей.

Признáюсь тебе
 — не смейся, пожалуйста! —
 ты — это мир, населенный радостью,
 ты — солнце,
 на этот листок упавшее,
 ты — песня,
 с утра под окном летавшая.
 Выйду на улицу ранним утром:
 дождь идет.
 А слышится, будто
 звонкие капли — твои слова.
 А позже — кончится дождь едва —
 улица в солнечный свет окунулась,
 кажется,
 это ты улыбнулась,
 бросила смех, как лучи,
 на цветы...
 Какое счастье:
 ты — это ты!

Течение дней моих
 любовь преобразила:
 я вижу за двоих,
 я слышу за двоих,
 я помню за двоих.
 Чтоб ты ни говорила,
 чтоб ни шепнула мне —
 я помню,
 вижу,
 слышу!
 С тобой наедине,
 с собой наедине —
 хочу подняться выше,
 достигнуть высоты,
 до неба дотянуться
 и в дом, где дышишь ты,
 в день, где смеешься ты,
 в ночь, где целуешь ты,
 со звездами вернуться.

* * *

Держу твои руки,
теплые и пахучие.
Слышу слова твои,
самые лучшие.
Целую локон,
не знаю покоя...
За что мне, грешному,
счастье такое?!

Иду с тобою —
не знаю усталости.
Даже птицы
поют от радости —
поют осенью
песню вешнюю...
Счастье такое
за что мне, грешному?!

ЧТО ОБЕЩАЕТ ЗИМА?

Что обещает зима?
Шубу пушистую — полю,
лесу — веселый мороз,
ласковой речке — кольчугу.
Что обещает зима?
Рыбам — удушье неволи,
улице — снежный занос,
нам же — свиданье друг с другом.

Сбудется это?
Пока
сами того мы не знаем:
может быть, с юга сюда
теплый циклон проберется.
Сбудется это?
Пока
верят любым обещаньям
поле, и лес, и река...
Сердце надеждами бьется.

У счастливой любви
нрав всегда молчаливый.
Море песен и слов
у любви несчастливой.

Видно,
этому нас научила природа:
ясный полдень молчит,
но гремит непогода.

Что ночной снежок
сделал?!
Елочка — стожок
белый,
побелел твой дом
быстро,
носятся кругом
искры.
Солнце и зима
всюду.
Стала ты сама
чудом:
на твоих плечах —
звезды!
А в твоих глазах:
«Поздно!
В мае бы любил
нежно.
Где ж ты раньше был?..»

...Снежно.

* * *

А свечи тоненьких берез
светились под луной.
Мне показалось:
мир замерз,
укрытый тишиной.
Замерзли рощи и дома,
и нет в печах огня.
И в целом мире ты одна
осталась у меня.
В твоей ладони — всплеск луны,
тепло — в твоих глазах.
Неслись березовые сны
на снежных парусах.
Они скользили меж берез,
как изморозь,
как дым,
и обдавал стволы мороз
дыханием своим.
А свечи тоненьких берез
светились под луной...

И мир, конечно, не замерз:
ведь ты была со мной!

ПОЧЕРК МАЙСКОГО ДОЖДЯ

Почерк косой у дождя.
Поглядите:
вот он с утра на окне расписался.
Пишет мне дождь о весенних открытках,
пишет, что май за дела свои взялся.

Скоро пойдет все на лад, уверяет:
выглянет солнце,
проклюнутся листья,
в полдень речная волна заиграет
около берега звоном лучистым.

Пишет мне дождь...
Верю письмам, конечно.
Скоро мне милая вновь улыбнется,
наша размолвка ручьем быстротечным
прочь убежит —
и назад не вернется.

Почерк косой у дождя.
Но читаю
очень легко эти звонкие строки.
Верю дождю.
Верю новому маю —
май никогда не бывает жестоким.

УТРО

Рите

Когда в рассветный час,
как сон, сползает мгла,
бессильна сон-трава
в лугах принарочанских:
коснулся луч воды —
и Нарочь ожила,
и вспыхнула вода,
и закружились краски.
Любимая, проснись!
Увидишь ли во сне
рождение цветов
и радуги рожденье?
Услышишь ли во сне,
как там,
в голубизне,
поет малыш-рассвет,
и сладко это пенье?
Июльская заря
щедра и весела.
Я верю:
хорошо все, что приходит с нею.
Когда в рассветный час,
как сон, сползает мгла,
люблю еще сильней
и жить хочу сильнее.

II

* * *

И станет слово откровеньем,
и будет заново воспето
неповторимое мгновенье
извечно юного рассвета.

Я проснулся.
 Мама мыла рамы.
 И такое небо за окном,
 словно и его отмыла мама
 ранним утром
 вместе со стеклом.
 И тогда я притворился спящим,
 незаметно наблюдая, как
 становился чудом настоящим
 день весенний
 в маминих руках:
 вот капель негромко зазвенела,
 вот скользнул несмело первый луч,
 и повсюду —
 ни метели белой,
 ни мороза,
 ни холодных туч.
 Сколько вьюг над нами пролетало!

...Солнечные зайчики кругом.
 Мама,
 ты совсем седою стала,
 но весну опять приводишь в дом.
 Словно паутинка — белый локон.
 Первый луч — серебряная нить.
 Счастье — видеть:
 мама моет окна,
 тихо,
 чтоб внучат не разбудить.

Разбушевались воды рек:
 черед весны шагать по кругу,
 переливать наследство вьюги —
 раскисший потемневший снег —
 в ручьи,

в лучи,
 в сосну,
 в цветок,

в поток,
 веселый, дерзновенный,
 а заодно — и в наши вены
 вновь влить
 хмельной весенний сок!

Бурлит, избавясь от оков,
 вся — нетерпение,
 полна воздушных пузырьков
 река весенняя.
 Играет, прыгает,
 у берега колышется.
 Мир полон играми.
 Легко, как в детстве, дышится.
 Как будто сам я от оков
 навек избавился,
 с огромной тяжестью снегов
 навек расправился,
 торосы сокрушил шутя
 зимы удушливой.
 И замки строю, как дитя,
 себе воздушные...

Капли дождя,
 пролетая у синей рекламы,
 мгновенно становятся синими сами.
 Пролетая у красной,
 прозрачные капли краснеют.
 Дождь стучит и стучит об асфальт.
 Все вокруг веселеет.
 Пыль смывает с домов
 и уносит он грязь с тротуара —
 разноцветный наш дождь...
 И бормочет,
 бормочет, как старый
 дворник.
 Копошится всю ночь и все утро
 дождь,
 веселый, как радуга,
 звонкий,
 прозрачный и мудрый.

Лось вышел из кустов.
В пяти шагах
остановился,
нас не замечая,
диск солнца заходящего качая
на черных запрокинутых рогах.
Высокий,
горбоносый — он застыл,
огромных глаз не отводя от солнца,
как будто в странном идолопоклонстве
лось все на свете навсегда забыл.
О чем он думал в этот тихий час,
и почему следил он так печально
за уходящим солнцем?
Эта тайна
так и осталась тайною для нас.
Когда же догорел закат вдали,
лось тяжело вздохнул.
И неторопко
ушел от нас своей лосиной тропкой.
А мы своей дорогою пошли.

Малиновый закат.
Бидон с лесной малиной.
Малиновый берет
на голове у сына.
Малиново вдали
окошки догорали.
Домой мы тихо шли:
за долгий день устали.
Малиново стога
светились в отдаленье,
и были облака —
как пенка на варенье.
И сладко спал мой сын
до самого рассвета.
Баюкало его
малиновое лето.

Сено сохнет — будто седеет.
 Луг,
 с утра седой от росы,
 после звонкой песни косы
 к полдню знойному побелеет.
 А нескошенный — зелен!
 В теньке,
 на высокой траве зеленой,
 я на час засну, утомленный,
 две ромашки зажав в кулаке.
 Мне приснятся роса и трава.
 А проснусь после сладкого сна я —
 и закружится,
 как хмельная,
 вся седая моя голова...
 Ясный полдень — как праздничный пир,
 карнавал в честь веселого лета.
 Переполненный солнечным светом,
 как же молод
 седой этот мир!

Гречиха зацвела.
 Как будто на холме
 расстелена веселая косынка,
 а поверху плеснуло лето синькой —
 по ней-то солнце катится ко мне!
 Я замер.
 Я поверил: миг еще —
 и солнца шар я придержу рукою,
 подвешу, словно лампу, над рекою —
 пусть повисит над ней, розовошек!
 Но где там?!
 Шар уже холма коснулся,
 чуть полежал
 и полусферой стал,
 последний луч издалека послал —
 и все!
 Весь мир вдруг в сумрак окунулся.
 Но сразу, словно искры, над холмом
 взлетели звезды.
 Стало очень тихо.
 Едва светилась в темноте гречиха.
 И было что-то неземное в том.
 Мне стало неожиданно легко.
 Ушла усталость.
 Здравствуй, звездный вечер!
 Раскинься над полями,
 лесом,
 гречкой,
 отбрось мои заботы далеко,
 позволь забыть на миг мои дела...

Как пахнет медом,
мятой,
сыродоем!

...И вдруг:
«Кто я такой?
Чего я стою
в том мире, где гречиха зацвела?»

МУЗЫКА НОЧНОГО ГОРОДА

Прислушайтесь:
по клавишам-домам
скользит рукой бездумно мокрый зетер,
и музыка —
вот так играют дети! —
беспомощная, прилетает к нам.
Низкоголос, как бас-струна, проспект,
тонкоголос какой-то переулок...
Весь город в час ночной
певуч и гулок,—
мелодии подобной в мире нет.

Прислушайтесь:
и старый парк поет.
Там каблучки постукивают звонко,—
какой-то паренек свою девчонку
сквозь дождь осенний там к весне ведет.
Там равнодушно липы шелестят...
А на заводе, за оградой парка,
в литейке в этот час
светло и жарко,
совсем иной здесь музыкальный лад.

Прислушайтесь:
вот «скорая» спешит,
и шум мотора высоко взлетает,
тревожно тучи синие качает,
торопит,
и сбивает,
и кричит!

Журавлям колодезным
 в небо не взлететь.
 Журавлям колодезным
 в облака глядеть:
 к югу братья белые
 на заре плывут.
 Журавлям колодезным
 оставаться тут —
 низко срубку кланяться,
 ведра возносить,
 в летний полдень — жариться,
 в зимний полдень — стыть.
 Рук прикосновение,
 чистая вода...
 Журавлям колодезным
 с нами быть всегда.

Где подглядел мороз узоры эти?
 Где научился пенью зимний ветер?
 Откуда на серебряном окне
 к утру чеканка тонкая берется?
 Откуда бело-розовое солнце
 в январский полдень
 катится ко мне?

Прожив немало зим на белом свете,
 я так и не решил загадки эти.
 Точней,
 ответов не хотел искать:
 живет в загадке ощущение чуда,
 недостижимых высот,
 откуда
 не все на землю нужно опускать.

Извечная смена сезонов:
от завязи — к спелым плодам,
от майских блужданий бессонных —
к ноябрьским раздумьям-мечтам.

Извечная смена окраски:
от зелени первых минут —
к тем дням,
когда в желтом и красном
деревья стоят там и тут.

Таинственным было начало.
И вдруг наступила пора:
ясней и понятнее стало,
что было неясным с утра.

Рад ясности этой безмерно!
Но тянется сердце сильней
к мгновениям завязи первой,
к весенней надежде своей.

Еще без перьев,
голый и дрожащий,
птенец, —
подобье птицы настоящей.
Он станет птицей!
Скоро он взлетит,
разрежет воздух быстрыми крылами
и, торжествуя,
запоет над нами,
восславит
небо, солнце и зенит.

Еще несмелый,
смотрит в небо мальчик:
там катится луна —
веселый мячик.
И, оставляя серебристый след,
сгорают над землей метеориты...
Настанет день —
и соколом взлетит он!
И, может,
будет им тогда открыта
одна из неизвестных нам планет,

Вглядеться снова в прожитые годы,
 вновь воскресить их —
 драгоценный дар.
 Не убегают годы, словно воды,—
 они живут,
 как скрытый в углях жар:
 подует ветерок воспоминаний,
 и вспыхнет вновь живительный огонь,
 и дни текут
 от первых,
 самых давних,
 и падают дождинками
 в ладонь.

ВОСПОМИНАНИЯ У МОХОВА ПЕРЕЕЗДА

Возле Мохова переезда
 в старом домике
 я родился.
 Возле Мохова переезда,
 где стучат день и ночь поезда.
 (Потому-то, быть может,
 дорога ночами мне снится,
 потому-то, быть может,
 дорогу люблю я всегда.)

Мимо дома телеги
 к базару ползли спозаранку.
 Ошарашенный шумом,
 рыжий конь головою мотал.
 А дымки паровозов,
 как туманы,
 ложились на дранку:
 кто-то в шутку «копченым»
 наш старенький домик прозвал.

Говорили:
 «Он вечный...»
 А домик сгорел за минуту.
 Громычала теплушка.
 А кони по шляху ползли
 и тащили орудия.
 Сверху «мессер» пикировал круто
 и взмывал, словно ястреб,
 над жаром горячей земли.

Этот день навсегда
мое светлое детство отрезал —
и оно, не простясь,
уходило по шпалам навек...

Поезда громыхают.
Я стою возле Мохова переезда.
А в цепочке машин,
как назло,
нет сегодня телег...

ДЕНЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ РЫБ

В день возвращения рыб
к родимым берегам
вдруг ветер чуть охрип,
стал тише птичий гам.
Все уже, все тесней,
все ближе берега,
теченье все сильнее —
и вот она, река!
Над нею — синий лес,
и небо,
и сады.
Мальками жили здесь,
смотрели из воды:
недаром же вода
и манит,
и пьянит!
Добраться бы туда,
где бережок подмыт,
чтоб там, на глубине,
икринки отложить,
исполнив долг, на дне
лежать, и полужить,
и в дреме вспоминать
все запахи реки,
где станут подрастать
веселые мальки...

И так из года в год,
когда приходит срок,
клокочет и поет

серебряный поток.
Смотрю на рыб:
с трудом
плывут издалека
сюда, где отчий дом —
прозрачная река.

Ненстробима в нас
любовь к своей воде.
и возвращенья час
согреет нас везде.
А выше счастья нет
да и не может быть:
где нам открылся свет —
там и детей растить.

* * *

Стеклом увеличительным
я обзавелся.
Вдруг
мне стало удивительно
понятым все вокруг.
Все тонкости — до малости! —
сумел я разглядеть:
где все — всерьез,
где — шалости,
где — золото,
где — медь.
Все сделалось значительным.
Но это лишь обман:
в стекле увеличительном
и лужа — океан.
В стекле увеличительном
и мухи — что слоны.
Все стало непростительно
большой величины.
Опасное оружие —
волшебное стекло.
Все мелкое, ненужное
оно раздуть смогло.
...Я то стекло безжалостно
о камень раскрошил:
хочу дожить до старости
так, как всегда я жил.
Что сбудется — то сбудется,
рассудят все года:
все мелкое — забудется,
большое — никогда.

Опять весенние рассветы
в пути далекие зовут.
И снова водопады где-то
в горах
сто звонких радуг льют.

Летит по склону ветер шалый,
туман холодный в клочья рвет.
Вершина
в белоснежной шали
нас вновь нетерпеливо ждет.

Голубое Турье озеро
к снегу чистому прижалось.
Что всегда меня тревожило —
далеко внизу осталось.
Ни печали,
ни волнения —
только горы,
только солнышко,
только воды без движения
в чаше каменной,
на донышке.

Голубое Турье озеро —
свет таинственной кометы.
Может быть,
еще не поздно мне
отыскать на все ответы?
Или все вопросы выбросить
в синий омут —
и у солнышка
жизнь счастливейшую выпросить,
чтоб испить ее
до донышка?..

Вздывается над палатками
 белым конусом
 «Сахарная» —
 неласковая,
 несладкая,
 лавинами перепаханная.
 Солнце ручьями плавится,
 звезды на льду зажигаются,
 тучи за край цепляются —
 грозами вниз срываются.
 Неласковая,
 несладкая...
 А нам — как звезда желанная,
 когда под камнями шаткими
 ведет нас
 тропа туманная.
 Когда мы проходим связками
 стены ее ледяные —
 осыплет нас всеми красками:
 от белой до темно-синей.
 И песнями сердце наполнится,
 когда предвершинный гребень
 придвинет к нам близко солнце
 и очень синее небо.
 А ветер
 и злится,
 и ахает...
 От нашего пота соленая,
 в бездну срывается «Сахарная»
 крутыми белыми склонами.

Мне горец говорил:
 «Будь прям, сынок!
 Тогда — не бойся никакой измены!
 Прямую палку урони в поток —
 и доплывет до моря
 непременно.
 Не страшен ей ни ветер,
 ни бурун,
 ни водопад, который в скалах бьется...
 Кривая — та за первый же валун
 зацепится
 и к берегу прибьется».

ПЕРЕВАЛЫ КАВКАЗА

Сосны,
вбитые в склон,
встретив грома раскаты,
взяли дождь на себя,
не пустили грозу
к перевалу,
где в братской могиле солдаты —
те, кого до сих пор
ждут с надеждой внизу.
Перевалы Кавказа.
Со льда поднимаю
ржавой смерти осколок —
зеленый металл.
В бесконечном молчанье
душой постигаю,
чем он был, перевал,
чем сегодня он стал:
не тропа
из долины в другую долину —
нить,
связавшая с прошлым
живые сердца.
Перевалы Кавказа.
Путь тяжелый и длинный.
Песня ветра летит
и не знает конца.
Здесь, у самого неба,
на грани высокой
сосны,
вбитые в склон,

задержали грозу,
чтобы сон не спугнула
усталый,
глубокий:
спят солдаты,
которых ждут дома, внизу.

СКАЗКИ АРЧОВОГО ЛЕСА

Из канатов деревянных
туго свитые стволы —
хоровод чудовищ странных,
кем-то вызванных из мглы:
тут и ведьма,
тут и леший,
рядом — великан и гном.
Для святых и самых грешных
этот лес —
родимый дом.
Вслед за нами
вверх по склону
вдоль тропы стволы бегут.
Смотрим, ахнув изумленно:
сказка там
и сказка тут!
Туго лесу достается:
ночью — стужа,
днем — жара.
Ветер бешеный несется
ночью — вниз,
наверх — с утра.
Но лавина не скосила,
не пугает ветра смех...

Жизни сказочная сила —
главная из сказок всех!

ЛЕДНИК МОЦАРТА

Снег засыпает трещины,
ветер шальной орет,
качает палатку бешено
целую ночь напролет.
И надо же было додуматься
какому-то чудаку
теплое имя Моцарта
горному дать леднику!

...На гребне хребта утром
солнце заслон прорвало —
и тысячи радуг будто
оно по льдам разбросало.
Горы искрились и пели.
На льду ручейки рождались,
на перекатах звенели
и вниз рекой устремлялись.

Музыка радуг на льдинах,
музыка звонкой воды.
Теплую музыку Моцарта
запели горные льды.

Обладать бы особенным зреньем,
чтоб с вершины увидеть вдали
всю душевную,
дорогую
красоту белорусской земли,
насладиться озерною синью,
смольным лесом,
разливами льна,
чтоб на круче
веселою силой
Беларусь одарила меня!

На двугорбой спине
заходящее солнце уселось.
Я подумал:
ему покататься сейчас захотелось,
к жесткой шерсти верблюда
на миг прикоснуться лучами
и на долгую ночь
распрощаться с родными степями.
Потемнело,
Луна задержалась сегодня надолго,
Млечный Путь протекал,
бесконечный и близкий,
как Волга.
Звезды падали в степь,
невесомы,
как сказка,
как чудо.
И холмами в степи
до рассвета
дремали верблюды.

Каменные бабы
в каменных степях,
солнцем раскаленные
яростным и жгучим,
с неземной тоскою
в каменных глазах,
с вековой ношей
на плечах могучих.
Каменные бабы.
Вздуты животы.
Каменные лица
в оспинах глубоких.
Словно степь, загадочны,
словно степь, просты,
как степные камни, очень одиноки.
Каменные бабы.
Но однажды нас
здесь гроза застала.
Бился свет над нами.
Я увидел:
слезы из незрячих глаз
потекли внезапно
теплыми ручьями.
А когда с ворчаньем
вдаль ушла гроза,
разбросав зарницы
щедрою рукою,
ей смотрели вслед
счастливые глаза:
так вот смотрят женщины,
вспомнив дорогое...

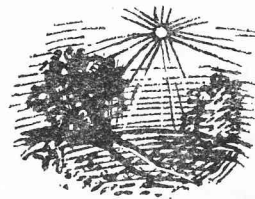
Пустыня,
ты была когда-то морем.
Бегут барханы — за волной волна.
Скажи,
каким иссушена ты горем,
какой печалью даль твоя полна?
Иду — и почва вздрагивает зыбко.
Вокруг полно тревоги и тоски,
и лучик солнца — золотая рыбка —
ныряет на ночь в черные пески.

* * *

Вселенную не измерить!
Она
не имеет конца и края.
В ней даже Земля — пылинка одна...

Но какая же дорогая!

III

МЕЧТЫ

Я разбросал мечты, как зерна.
Одни упали в чернозем,
другие же —
на камне черном,
в лесной глуши,
на дне речном.

Куда бы ни пришел,
упорно
я верю в счастье и в беде:
взойдут хлеба на камне черном
и звезды вспыхнут на воде!

Обратить металл не против музыки —
 в музыку! —
 большое волшебство.
 Лепестки чеканные и узкие —
 вот оно,
 неожиданное родство.
 Изогнулись шеи лебединые,
 свит живой орнамент из колец.
 Отковали кузнецы старинные
 музыку
 из собственных сердец.
 Представляю их работу адскую:
 тяжкий молот
 грудь и плечи рвет.
 Хрип мехов — не песня залихватская.
 А решетка —
 вслушайся! —
 поет.
 Затекает пот соленый в бороды...

Снег ли сыплет,
 дождь ли моросит,
 не смолкая,
 над великим городом
 музыка раскованно звучит.

Я знаю:
 этот мальчик стал мужчиной,
 состарился и умер в свой черед...
 Но детские глаза глядят с картины:
 в них озорство веселое живет.
 А на макушке — хохолок упрямый,
 и воротник крахмальный чуть измят,
 хоть сына прихорашивала мама
 перед сеансом два часа подряд.
 Что мальчику и живопись, и вечность?!
 Ему бы поскорей сбежать к друзьям!
 А в мастерской
 потрескивают свечи,
 и тени притаились по углам.
 Неторопливо трудится маэстро.
 Мальчишка в кресле ерзает слегка...
 А краски, как друзья, собрались вместе —
 и будут с нами говорить века.
 Глядит живой мальчишка...

У портрета
 стою и улыбаюсь целый час,
 оттаявший,
 счастливый,
 обогретый
 лукавым, шаловливым светом глаз.

* * *

В мартеновских цехах —
заря багряная.
Здесь даже в свете пасмурного дня
на темных стенах
попыхает зарево
могучего всеильного огня.
Дутье ревет.
И вот, рванувшись весело,
за темными глазницами печей
протуберанцы искр жара развесила —
и нет огня на свете горячей.
Борьбой людей с металлом
зачарованный,
помимо воли я сравнить хочу
их труд с борьбой богатырей с драконами:
богатырям такое по плечу.
Но посмотрел
на паренька-подручного,
на пожилого сталевара — и
подумал:
обойтись, пожалуй, лучше мне
без выпренности с этими людьми.
Не то они ни слову не поверят,
махнут рукой и скажут:
«Ишь, наплел!..»

Дутье затихло.
Будоража нервы,
в огромный ковш
ручьем металл пошел.

Нескоро он в детали превратится:
сталь — лишь исток
далекого пути...
Усталые светящиеся лица
красивы так,
что глаз не отвести.
В любом движенье — сдержанность,
сноровка.
Такие никогда не подведут.

Вновь начиная плавку,
газировку
шутя ребята за удачу пьют.

У кульманов мы на приколе.
 В руках у нас карандаши.
 На гладком ватмановском поле —
 машины новой чертежи,
 осциллограммы мыслей наших,
 шаг в завтра
 от идей вчерашних,
 осуществление мечты.
 И геометрия деталей,
 и плоть тугой каленой стали
 полны особой красоты.
 Нам истину предвидеть надо,
 чутьем тропинку отыскать,
 все оценить холодным взглядом
 и суть машин душой познать.
 Нелегко путь...
 И если спросят:
 «Что больше пользы нам приносит —
 резинка или карандаш?» —
 ответа сразу и не дашь...

Машины делают немало:
 течет стекло рекою алой,
 и превращается оно
 в стаканы,
                                 чашечки,
   бутыли
 и вазочки...
 Но все равно,
 как инженеры ни мудрили,
 лишь стеклодув,
 его тепло,
 его дыханье и уменье,
 фантазия и вдохновенье
 способны оживить стекло.

РОДСТВО

Алмаз и уголь — братья.
В этом нас
анализ их структуры убеждает.
И близнецы несхожими бывают:
так скромн уголь,
так красив алмаз!
Нет, уголь наряжать не стоит, право! —
прекрасней оттого не станет он.
А вот алмаз —
в оправе ль, без оправы ль —
огнями полон,
светом озарен.
Важна ли внешность?
Внешность легковесна.
Родство алмаза с углем
скрыто в том,
что трудятся алмаз и уголь честно.
Я только это признаю родством!

* * *

Память многое растеряла.
Развязались концы и начала,
свет и тени стерлись давно.
Память мелочи сохранила:
две косички девчухи милой,
снег,
последний наш ряд в кино...
Видно, истины мы не знаем,
если мелочью то считаем,
что запало в сердце навек.
Память многое растеряла,
развязались концы и начала.
Но живет
прошлогодний снег.

У мальчишек мечты
театральны:
для мальчиков очень важно,
чтоб подвиги их
были совершены
у потрясенной толпы на глазах...
Мальчики!
Взрослыми став,
вы поймете,
что чаще всего
подвиги совершаются
наедине с болью,
наедине со злом,
хохочущим
над муками тех,
кто борется с ним
и умирает в борьбе.
Злу никогда не дано узнать,
что самое главное
для человека —
это чистая совесть,
сознание своей правоты
и, конечно,
ощущение,
что даже смерть
не разлучит тебя
с родной и любимой
землей.

Там, где солнце спать в траву ложится,
где бежит за ветром вслед пшеница,
где все аисты — наперечет,
где чернеют плоскодонок днища,
где рыжеют на закате крыши,—
речка Птичь
неслышно вдаль течет.
Убаюкает меня журчаньем,
сказки мне наговорит ночами
и луну покажет в глубине.
А когда я встану утром ранним,
вдруг обнимет ласковым молчаньем
или песней прилетит ко мне.
В день весенний,
солнечный и звонкий,
шаловливым кажется ребенком,
в день весенний
неподвижна Птичь.
Не спешит от деревень, от поля,
высоко над ней плывет на волю
птиц разлучный и тревожный клич.
Речка Птичь...

Блеск темных вод...

Туманы...

Первый снег, упавший на поляну,
оттеняет черноту воды.
Речка Птичь...

Ты от меня так близко.
Неразлучен я с тобой и в Минске
посреди зимы и суеты.

* * *

В селе печально Павел знаменит:
лишь кто умрет,
он тут же непременно
соорудит цементный монолит
какой-то формы необыкновенной.
А мастерская Павла у реки:
тут и воды,
тут и песка в достатке.
Порой сюда приходят старики.
Сидит дедок —
и крестится украдкой
да размышляет:
«Смерть — то не страшна.
Но так же сладко дышится на воле
и хочется, когда придет весна,
опять вспахать заждавшееся поле,
а летом вновь пойти на сенокос,
дышать осенним ароматом сада!
Жизнь — худо ль, бедно ль —
радость и награда.
Жаль только,
время быстро пронеслось...
Дед думает о том, что позади.
А уходя, попросит деликатно:
«Ты, Павел, как умру — не подведи:
на совесть сделай да поаккуратней!»
Дед руку Павла бережно пожмет.
И Павел обещает непременно,
что памятник для деда отольет
цементный,

формы необыкновенной...
Потом он долго смотрит деду вслед:
«Что делают года!
Был ловким, шустрым,
да постарел...»
И станет Павлу грустно.
«Что памятник?
Так, мелочь, милый дед.
Вот хлеб созрел —
ты вынес камни с поля!
Вот хата —
сам ее поставил ты!
Растет твой сад.
Твои внучата — в школе,
у них твои глаза,
твои черты...»
Бредет дедок — спокоен,
ясен,
светел.
Вдали на поле трактор тарахтит.
И младший внучек —
дедово бессмертье —
по улице стремительно летит.

Что ни деревня —
стрелы обелисков.
А к ним деревья
наклонились низко,
тяжелыми ветвями шевеля,
как будто списки вслух они читают...
Шурша,
на плиты листья опадают.
Вся в золоте,
лежит вокруг земля.

Так просто,
так спокойно уходит человек:
он пересек дорогу,
нырнул за поворот...
Быть может, он вернется.
А может быть, навек
исчез за поворотом —
и больше не придет.

Остановить, окликнуть
и усадить за стол,
поговорить о прошлом
и в завтра заглянуть!
Но — что тут станешь делать? —
ведь он уже ушел...
Да и меня куда-то
торопит новый путь.

Поистине тратим нервы
 часто впустую...
 (Я открываю не первый
 истину эту простую.)

Поистине силы тратим
 на пустяки-забавы.
 А нам их потом не хватит,
 чтоб труд завершить главный.

Поистине мы транжирим
 себя...
 Ну, а как иначе?!
 Не истуканы — живые,
 ищем,
     смеемся,
             плачем.

Что вредно, что здорово — знаем.
 Знаем, что ждет в итоге.
 А все ж сквозь себя пропускаем
 все токи земные,
 все токи...

Листаю
 страницы семейных альбомов,
 где каждое фото — как зыбкое эхо,
 где даже с собою
 порой незнаком я,
 где отблески солнца да искорки смеха.
 Неужто я —
 этот испуганный мальчик?
 А мама — в расклевенном платье девчонка?
 И прыгает взгляд,
 как резиновый мячик,
 по плитам годов,
 и безмолвных,
 и звонких...
 И я.
 И не я.
 Диалектика — вот она!
 И завтрашний «я»
 не похож на вчерашнего.
 Семейный альбом...
 Все, что было, что пройдено.
 Он — зеркало прошлого и настоящего.
 Наполненный светом,
 наполненный радостью,
 порой омраченный
 ударами гроз...
 В нем встречи и проводы,
 горе и радости,
 извечная смена
     улыбок и слез.

Быстрее и напористей
жизни течение.
Пусть ветер порою
сорвет паруса,
но юные входят в альбом поколения —
семейных альбомов
любовь и краса.

«МУЗЫКАЛЬНЫЙ АРХИВ»

Семья — как архив:
тут у каждого свой
хранится напев.
Это точно!
Вот папа поет
про поля под Москвой,
а мама —
про синий платочек.
Иные напевы поют сыновья,
весельем весь дом наполняя.
У каждого в доме
есть песня своя.
И это — прекрасно, я знаю!

Мы все не вечны на Земле,
хоть трудно примириться
с необходимостью во мгле
однажды раствориться.
Но мир — наш дом — не упадет,
но мир не опустеет,
и солнце над землей взойдет,
и всех живых согреет.
Мир — наш двойник.
Бессмертен он.
И вечны на планете
роса и снег,
цветы и лед,
и старики,
и дети.
Вот почему хочу я, чтоб
мой труд
был нужен людям.
И после нас —
о, не потоп —
пусть счастье в мире будет!

*** Снежинок удивительные танцы... 3

I

На Гайне	5
*** Я усвоил от самой зыбки...	7
*** Плывет Земля межзвездными путями...	8
У колодца	9
*** Немногие из нас, рожденных до войны...	10
*** Шевеля прошлогодние листья...	11
Дядя Гриша	12
Цирк	14
Ковры	15
Сушки	17
Воспоминание	20
Урок	21
Люблю, когда мама поет	22
*** Над сквером песня соловья...	23
В магазине	24
*** По незаметным тропинкам...	25
*** Признаюсь тебе...	26
*** Теченье дней моих...	27
*** Держу твои руки...	28
Что обещает зима?	29
*** У счастливой любви...	30
Снежно	31
*** А свечи тоненьких берез...	32
Почерк майского дождя	33
Утро	34

*** И станет слово откровеньем...	35
Счастье	36
*** Разбушевались воды рек...	37
*** Бурлит, избавясь от оков...	38
Дождь	39
Встреча	40
Малиновое лето	41
*** Сено сохнет...	42
*** Гречиха зацвела...	43
Музыка ночного города	45
Янтарь	47
*** Журавлям колодезным...	48
Вопросы	49
Концерт колоколов в Каунасе	50
Замедленная съемка	51
*** Извечная смена сезонов...	52
*** Еще без перьев...	53
*** Вглядеться снова в прожитые годы...	54
Воспоминания у Мохова переезда	55
День возвращенья рыб	57
*** Стеклом увеличительным...	59
*** Опять весенние рассветы...	60
Турье озеро	61
Гора «Сахарная»	62
Совет	63
Перевалы Кавказа	64
Сказки Арчового леса	66
Ледник Моцарта	67
*** Обладать бы особенным зреньем...	68
Степь	69
Каменные бабы	70
*** Пустыня, ты была когда-то морем...	71
*** Вселенную не измерить!...	72

Мечты	73
Решетки Ленинграда	74
У «Портрета мальчика»	75
*** В мартезовских цехах...	76
Конструктор	78
*** Машинны делают немало...	79
Родство	80
*** Память многое растеряла...	81
*** У мальчишек мечты театральны...	82
Речка Птичь	83
*** В селе печально Павел знаменит...	84
*** Что ни деревня — стрелы обелисков...	86
*** Так просто, так спокойно...	87
*** Понстине, тратишь нервы...	88
Семейные альбомы	89
«Музыкальный архив»	91
*** Мы все не вечны на Земле...	92

Ганкин Б.
Г 19 Многоцветье. Стихи. Мн., «Маст. літ.»,
1977.

96 с. с ил.

Новая книга Бориса Ганкина многоотна: это и возвращение в детство, и стихи об искренней дружбе и чистой любви, и стихи о многоцветье родной земли, и раздумья о прошлом и настоящем.

Г 70402-212
М 302(05)-77 49-78

Р 2

Борис Аркадьевич Ганкин
МНОГОЦВЕТЬЕ

Редактор Ф. Н. Черня. Художник А. Л. Костин. Художественный редактор Е. М. Малышева. Технический редактор М. Т. Попкова. Корректор А. П. Миронова.

ИБ № 226

АТ 10813. Сдано в набор 2/VI 1977 г. Подп. к печати 22/XI 1977 г. Тираж 8000 экз. Формат 70×90¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 3,51. Уч.-изд. л. 2,77. Зак. 358. Цена 30 коп. Издательство «Мастацкая літаратура» Государственного комитета Совета Министров БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Парковая магистраль, 11. Полиграфический комбинат им. Я. Коласа Государственного комитета Совета Министров БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Красная, 23.

30 к.